

На правах рукописи

ЙЕГНИ Ханан

**ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ РЕАЛИЙ
В АРАБСКИХ ПЕРЕВОДАХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА**

5.9.8. Теоретическая, прикладная
и сравнительно-сопоставительная лингвистика

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Волгоград 2025

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»

Научный руководитель – *Бобырева Екатерина Валерьевна*, доктор филологических наук, профессор.

Официальные оппоненты: *Борисова Елена Борисовна*, доктор филологических наук, профессор (ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет», профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации);

Парамонов Денис Вячеславович, кандидат филологических наук (ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет» им. К.Э. Циолковского, старший преподаватель кафедры истории).

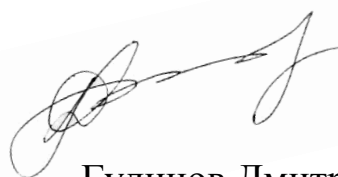
Ведущая организация – ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Защита состоится 17 декабря 2025 г. в 13.00 часов на заседании диссертационного совета 33.2.007.02. в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете по адресу: 400005, г. Волгоград, пр-кт им. В.И. Ленина, 27.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет» <https://www.vspu.ru>

Автореферат разослан 22 октября 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор филологических наук, доцент

Гулинов Дмитрий Юрьевич

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Вопросы перевода были и остаются в фокусе внимания многих ученых в разные периоды развития науки о языке, что можно объяснить существующим интересом к сопоставительному изучению различных лингвокультур, поиском сходств и различий в разных языковых системах, стремлением лингвистов к подбору наиболее близких соответствий при переводе различных типов текстов, созданных на одном языке, их трансляции средствами другого языка и переносе в другую лингвокультурную среду.

Объектом настоящего диссертационного исследования являются тексты рассказов А.П. Чехова и их переводы на арабский язык. В качестве **предмета** работы выступают языковые средства, используемые при переводе на арабский язык русскоязычных реалий, имеющих место в рассказах А.П. Чехова, стратегии лингвокультурной адаптации и выбираемые переводчиком приемы передачи русскоязычного художественного текста средствами арабского языка.

Актуальность темы диссертации состоит в необходимости:

- а) раскрытия основных аспектов межкультурного взаимодействия при переводе художественного текста и обоснования важности междисциплинарного подхода к проблемам перевода художественных произведений;
- б) конкретизации понятия культурно-маркированной лексики, построении ее типологии; уточнения понятия адаптации иноязычного текста при переводе, выявления основных видов лингвокультурной адаптации и выделения стратегий адаптации русскоязычного художественного текста в ходе его трансляции средствами арабского языка;
- в) установления возможности/невозможности достижения эквивалентности и адекватности при переводе художественного текста с русского на арабский язык;
- г) сопоставительного описания характеристик арабской лингвокультуры в сопоставлении с русской и определении реалий русской культуры, вызывающих наибольшие трудности при переводе на арабский язык;
- д) выявления используемых переводчиком приемов и выбираемых стратегий при переводе русскоязычного художественного текста на арабский язык;
- е) определения степени адекватности существующих переводов рассказов А.П. Чехова на арабский язык, выявления ошибок, имеющих место при переводе художественного текста, определения их причин и возникающих в результате этого нарушений смысла исходного (оригинального) текста.

Цель исследования – выявить и типологизировать национально-культурные реалии, используемые в рассказах А.П. Чехова, установить приемы, применяемые при их переводе на арабский язык и определить степень адекватности существующих переводов писателя.

Исходя из поставленной цели, в работе ставится и последовательно решается ряд **задач**, в частности:

1) раскрыть специфику перевода художественного текста как процесса и результата межкультурного взаимодействия и обосновать необходимость междисциплинарного подхода к решению вопросов художественного перевода;

2) выделить основные стратегии лингвокультурной адаптации рассказов А.П. Чехова при их переводе на арабский язык;

3) провести типологизацию русских реалий, содержащихся в рассказах А.П. Чехова;

4) выявить функциональную специфику реалий с позиции передачи феноменов иной культуры и с позиции воздействия на адресата перевода;

5) установить стратегии и приемы, используемые переводчиком при передаче русских реалий на арабский язык;

6) определить степень адекватности существующих переводов рассказов А.П. Чехова на арабский язык и выявить основные причины переводческих ошибок, ведущих к нарушению смысла оригинального текста.

Теоретической основой диссертации послужили труды отечественных и зарубежных исследователей, посвященные вопросам: а) достижения оптимального взаимопонимания между представителями разных культур в процессе межкультурной коммуникации (работы Н.А. Бердяева, М. Вебера, Е.Б. Борисовой, И.Г. Гердера, П.С. Гуревича, Н.Я. Данилевского, О.В. Казаковой, Э. Кассирера, К. Клакхона, Л.К. Латышева, А.Ф. Лосева, Ю.М. Лотмана, И.Ю. Марковина, А.В. Павловской, Г. Риккерта, В.В. Розановой, С.Г. Тер-Минасовой, Э. Тэйлора и др.); б) взаимодействия культуры и коммуникации, а также взаимовлияния разных культур друг на друга (труды М.М. Бахтина, Ю.М. Лотмана, В.С. Библиера, К. Леви-Стросса, Э.К. Хабибуллиной и др.); в) национальной специфики и уникальности культуры народа, роли культуры в формировании национальной ментальности и национальной картины мира (исследования Н.Д. Арутюновой, А. Вежбицкой, В.В. Воробьева, Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Г. Гачева, М.С. Кагана, В.А. Масловой и др.); г) теоретических и практических аспектов перевода, выявлению его сущности, установлению выполняемых функций (работы

Е.И. Брандеса, С.И. Влахова и С.П. Флорина, В.Н. Комиссарова, Е.В. Бреуса, Ю.А. Найды, Р.К. Миньяра-Белоручева, А.В. Федорова, А.Д. Швейцера, и др.); д) специфики художественного текста и особенностям его перевода, включая вопросы возможности эквивалентности и адекватности художественного перевода (исследования И.С. Алексеевой, Г.Г. Гадамера, Н.К. Гарбовского, Л.К. Латышева, В.В. Кабакчи, Л.Л. Нелюбина, Д.В. Парамонова, Я.И. Рецкера, А.В. Федорова, К. Эмерсона и др.); е) необходимости междисциплинарного подхода к художественному переводу (работы Н.В. Багринцевой, Е.М. Масленниковой, Ю.Л. Оболенской, Л.Н. Смирнова, Н.В. Тимко, Н.А. Фененко, М.В. Цветковой и др.); ж) неизбежности лингвокультурной адаптации художественного текста в процессе перевода и описания стратегий, используемых в процессе адаптации художественного текста (работы И.С. Алексеевой, И.В. Войнич, В.Г. Дьячковой, Н.К. Грабовского, Т.А. Казаковой, О.В. Кафискиной, М.В. Можарова, Ю. Найды, Л.Л. Нелюбина, А.А. Папикян, В.В. Сдобникова, А.Д. Швейцера, Д.Н. Шлепнева и др.).

Научная новизна проведенного исследования состоит: а) в типологизации русскоязычных реалий, встречающихся в рассказах А.П. Чехова; б) в установлении основных стратегий и приемов, используемых переводчиком в процессе перевода чеховских рассказов на арабский язык; в) в определении степени адекватности перевода чеховских рассказов на арабский язык; г) в выявлении основных ошибок, возникающих при переводе рассказов русского писателя на арабский язык.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении основных положений общей теории перевода, в частности перевода художественных текстов; в обосновании целесообразности комплексного подхода к вопросам перевода художественного текста; в выявлении национально-культурных реалий, представляющих наибольшие трудности при переводе русскоязычного художественного текста на арабский язык; в установлении основных стратегий, в определении приемов перевода и анализе вероятных переводческих ошибок и причин их возникновения.

Практическая ценность работы состоит в том, что ее результаты могут найти применение в вузовских курсах общего языкознания, сравнительно-сопоставительного языкознания, теории и практики перевода, в спецкурсах по лингвистике и интерпретации художественного текста, на практических занятиях по арабскому языку и практике перевода с русского языка на арабский. Результаты исследования могут также оказаться

востребованы студентами при написании курсовых и выпускных квалификационных работ.

Материал исследования. Материалом исследования послужили тексты рассказов А.П. Чехова и их переводы на арабский язык. Всего для анализа было отобрано около 1300 текстовых примеров.

Методы исследования. Выбранная методика исследования основывается на коммуникативно-функциональном подходе и включает в себя теоретический анализ специальной литературы по теме исследования, подбор для анализа текстовых соответствий (на арабском и русском языках) с применением сравнительно-сопоставительного метода для выявления используемых переводческих стратегий и интерпретации полученных результатов; компонентного анализа отдельных лексических единиц русскоязычных текстов и их арабских переводов, а также методы статистического анализа.

Достоверность полученных результатов обеспечена обоснованным подбором методов исследования, адекватных поставленной цели, намеченным задачам исследования, характеристикам анализируемого процесса – перевода художественного текста, корректной организацией практической части работы, достаточным количеством проанализированного практического материала, статистическим обоснованием полученных результатов.

Гипотеза исследования. Сложность перевода художественных произведений классической русской литературы на арабский язык объясняется различиями как языкового, так и культурного плана; эквивалентный перевод русскоязычных художественных произведений нередко не отвечает требованиям адекватности, поскольку однозначная точная передача текста оригинала затруднена отсутствием в языке перевода (арабском) лексических единиц для передачи русских реалий; наибольшие сложности может вызвать перевод религиозных и фольклорных реалий, а также устаревших и просторечных лексических единиц; в силу более частого использования переводчиком для их передачи стратегии доместикации по сравнению со стратегиями форенизации и «золотой середины» возникают языковые и культурологические лакуны, искажающие содержание и изменяющие тональность оригинального текста.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Наибольшую трудность при переводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык представляют русские религиозные и фольклорные реалии, вышедшая из употребления (устаревшая) лексика и просторечные лекси-

ческие единицы, что объясняется различиями в целом в мировосприятии и, в частности в вероисповедании представителей русской и арабской лингвокультур, при переводе религиозных реалий и значительными различиями в народных культурах арабского и русского этносов (обычаи, обряды, традиции) при переводе фольклорных реалий.

2. При переводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык чаще используется стратегия доместикации, а не более широко практикуемые переводчиками стратегии форенизации и «золотой середины», что приводит к потере национально-культурной и эмоционально-образной специфики оригинального русского текста, а в ряде случаев значительно его искажает.

3. При реализации стратегии доместикации при переводе чеховских рассказов на арабский язык наиболее часто используются гипогиперонимический перевод, перевод-уподобление, выбор аналога и замена образа, в то время как при реализации стратегии форенизации применяются приемы модуляции, нейтрализации и функциональной замены, что обусловлено отсутствием в языке перевода (арабском) адекватных аналогов для передачи русских реалий и стремлением переводчика передать содержание текста, игнорируя при этом национально-культурную и эмоционально-образную составляющие текста оригинала.

4. К числу наиболее часто используемых переводчиком грамматических трансформаций относятся: подмена настоящего времени прошедшим, подмена будущего времени прошедшим, подмена будущего времени настоящим, передача деепричастного оборота в составе простого предложения придаточным предложением времени, передача деепричастного оборота причастным, подмена оборота с существительным глагольной конструкцией. Данный факт объясняется как лингвистическими (принадлежность арабского и русского языков к различным структурным типам), так и социокультурными факторами, в частности, историческими условиями развития этих языков, ставших причиной существующих различий в концептуализации действительности.

5. Изменение стиля (регистра) текста перевода чеховских рассказов, обусловленное стремлением переводчика оптимизировать оригинальный текст, сделать его максимально доступным для арабского читателя посредством исключения просторечной лексики и различного рода отклонений от речевых норм, применение писателем которых нацелено на раскрытие образов художественных персонажей, приводит к смысловым искажениям текста перевода, что позволяет судить о его неполной эквивалентности.

Личный вклад соискателя состоит в выявлении и типологизации национально-культурных реалий в рассказах А.П. Чехова; в установлении основных приемов, используемых при переводе произведений А.П. Чехова на арабский язык; в определении причин возникновения переводческих лакун, ведущих к потере значимой информации, имплицитруемой автором оригинального текста; в выявлении основных переводческих ошибок, в определении их причин и последствий для адекватного восприятия русскоязычного художественного текста арабским читателем.

Апробация результатов исследования. Результаты проведенного исследования и основные положения работы были представлены на научных конференциях: «Аксиологические проблемы современных филологических исследований» (Екатеринбург, 2023); «Иноязычная коммуникация: полипарадигмальный аспект» (Волгоград, 2024). По теме исследования имеется 10 публикаций (в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, общим объемом 4,11 п.л.).

Объем и структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка, включающего 272 наименования по исследуемой проблематике.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы исследования, излагается степень разработанности проблемы, приводится положенная в основу исследования гипотеза; представлены объект, предмет, материал и методы исследования, его цель и задачи; раскрыты научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность диссертационного исследования, сформулированы теоретические положения, выносимые на защиту, указана степень достоверности исследования и приведены факты апробации его результатов.

Первая глава работы *«Теоретические аспекты перевода художественного текста»* посвящена рассмотрению теоретических аспектов перевода художественного текста, выступающего видом межкультурного взаимодействия. Раскрыта специфика и установлены типы культурно-маркированной лексики (реалий); определена их функциональная специфика; доказана необходимость лингвокультурной адаптации художественного текста при переводе и установлены ее виды; выявлены приемы, используемые переводчиком при трансляции национально-культурных

реалий; раскрыты понятия эквивалентности и адекватности перевода, показана (не)возможность их достижения при работе с художественным текстом.

В настоящее время лингвистический фокус рассмотрения смещается с изучения языковых соответствий при переводе на вопросы взаимодействия культур, преодоления культурно-языковых барьеров, культурологические, этно- и психолингвистические факторы, влияющие на передачу текста средствами другого языка.

Существует ряд моделей перевода: психолингвистическая, когнитивная, функционально-коммуникативная. Мы считаем, что при переводе художественных произведений необходимо использовать совокупность приемов психолингвистической (переводчик должен учесть психоэмоциональный настрой автора при создании текста, постараться «расшифровать» и донести до читателя его замысел) и функционально-коммуникативной (переводчик должен подобрать оптимальные средства для установления контакта с читателем) моделей.

Особое внимание при переводе художественного текста уделяется трансляции культурно- и национально-маркированной лексики, которая определяется учеными такими терминами, как *безэквивалентная лексика*, *лакунарная лексика*, *реалии*, *экзотизмы*, *варваризмы*, *этнографизмы*, *лингвокультураны* (*культуронимы*), *идионимы* и т.п. В работе мы используем термин *реалия*, считая, что он наиболее точно отражает специфику рассматриваемых лексических единиц.

Реалии различны по форме и по содержанию, поэтому вопрос их классификации остается открытым. Мы не ставили перед собой задачи их типологизации, но нам представляется более близкой классификация В.С. Виноградова, который разделяет реалии на бытовые, этнографические, мифологические, реалии мира природы, государственно-административного устройства и общественной жизни, ономастические и ассоциативные реалии [Виноградов, 2001].

Выбор способа передачи реалии при переводе зависит от ряда факторов: характера текста, природы реалии, ее важности в контексте, ее известности представителям иной культуры, типа взаимодействующих языков и адресата перевода.

Представляется правомерным выделить функции, выполняемые реалиями, как с точки зрения отражения феноменов иной культуры, так и с точки зрения воздействия на адресата. С позиции отражения феноменов иной культуры, реалии выполняют референциальную, когнитивную, этно-

культурную и символическую функции; с точки зрения воздействия на адресата – информативную, эмоциональную, ассоциативную и стилистическую функции. Перевод может быть оценен как адекватный, если реалии в тексте перевода удалось выполнить предназначенную ей функцию (т.е. адресат верно воспринял передаваемые автором нюансы значения) или неадекватный (неполный), если предназначенная функция не выполнена реалией (информация не декодирована адресатом и в результате перевода появилась понятийная лакуна).

При переводе любой текст подвергается адаптации, под которой понимается процесс приспособления оригинала к нормам культуры, носителем которой предназначен перевод. Ее цель – максимально полное донесение до адресата не только значения, но и прагматического плана текста и создание нужного коммуникативного эффекта. Выделяют языковую (процесс передачи поверхностных структур) и лингвокультурную (процесс передачи глубинного содержания) адаптацию. Мы рассматриваем адаптацию как изменение текста оригинала в процессе перевода, имеющее целью передачу содержания оригинала при максимально возможном сохранении образности, оценочности и эмоциональности.

При переводе художественного текста переводчиком используются определенные стратегии и приемы. Стратегия представляет собой алгоритм действий, направленных на передачу текста средствами другого языка, подчиненных определенной цели и связанных с решением конкретных задач.

При анализе используемых переводчиком стратегий правомерно, на наш взгляд, поместить в основу выделения критериев сохранения или нивелирования национально-культурной специфики оригинала. Мы разделяем точку зрения ученых, выделяющих в качестве ведущих: стратегию доместикации (адаптация оригинала к ценностям и образам культуры, к которой принадлежит переводчик и на язык которой он переводит текст), стратегию форенизации (попытка сохранить в тексте перевода знаки культуры оригинала) и стратегию «золотой середины» (баланс между сохранением национально-культурной специфики оригинала и попыткой сделать перевод максимально понятным представителю иной культуры). Принимая во внимание специфику перевода художественных произведений, созданных в иную историческую эпоху, мы считаем необходимым включить в число стратегий стратегию «исторической стилизации» (по В.С. Виноградову).

Для оценки результата и качества перевода используются понятия эквивалентности и адекватности. Эквивалентность есть равноценность текста оригинала и текста перевода на понятийном и структурно-семантическом уровнях. При переводе художественного текста эквивалентность достигается редко и трактуется как «относительная эквивалентность». Более приемлемо при оценке качества перевода использовать критерий адекватности. Если эквивалентность предполагает получение идеального эталона, то адекватность направлена на поиск оптимального соответствия. При переводе художественных текстов, когда важно донести национально-культурное своеобразие оригинала, полная эквивалентность практически невозможна, поэтому при оценке качества такого перевода учитывается не степень эквивалентности, а степень оптимальности подбора конкретных переводческих приемов (т.е. адекватность).

В нашей работе эквивалентность рассматривается как сохранение содержательной, смысловой, стилистической и функциональной направленности оригинала, а адекватность как правильная передача коммуникативных интенций автора, сохранение степени воздействия на адресата, которая имеет место при восприятии оригинала, а также донесение до адресата национально-культурной специфики оригинала, которая во многом создается использованием реалий.

Во второй главе работы *«Особенности передачи культурно-значимой информации в переводах рассказов А.П. Чехова на арабский язык»* дана сравнительная характеристика арабской и русской лингвокультур; выявлены реалии, вызывающие трудности при переводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык, проведена их типологизация; рассмотрены способы их перевода.

Сопоставительное рассмотрение арабской и русской лингвокультуры выявило наличие как общих черт, так и различий, учет которых обязателен при переводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык. Во многом существующие различия помогают понять причины сложности нахождения адекватного варианта передачи заложенной автором идеи или созданного образа.

Анализ рассказов А.П. Чехова позволил выделить следующие типы национально-специфических реалий: реалии общественной жизни и государственно-административного устройства, бытовые реалии, фольклорные реалии и реалии религиозные. В отдельную группу выделена устаревшая лексика и просторечные единицы.

В число реалий общественной жизни и государственно-административного устройства включены: реалии, передающие названия учреждений/заведений; названия профессий или рода занятий/деятельности; наименования званий/титолов. Охарактеризуем далее названные реалии.

1. Реалии, передающие специфику **общественной жизни и государственно-административного устройства** (полицейский участок, департамент и т.п.): «Кулдаров, вначале находясь в бесчувственном состоянии, был отведен в полицейский участок и освидетельствован врачом» (рассказ «Радость»). Само понятие и, соответственно, выражение «полицейский участок» характерно для русского языка; для арабского более приемлемы выражения «отделение полиции» или «отдел полиции», но не «участок». В арабском варианте данный пример передан так: «وُنُقِلَ كُولْدَارُوفَ - الذي كان فاقد الوعي إلى قسم الشرطة؛ حيث أُجْرِيَ له كشف طبي» (Кулдаров уже потерял сознание, его отвели в полицию, где его осмотрел врач). (Здесь и далее дословный перевод наш. – Й.Х.). Как видим, переводчик игнорирует лексическую единицу «участок», редуцируя словосочетание «полицейский участок» до слова «полиция». Из текста перевода не только убран важный компонент, передающий специфику общественной жизни России, но и упрощен и стилистически обеднен рассматриваемый фрагмент оригинала текста.

2. Реалии, передающие названия **учреждений/заведений** (лавка, кабак и т.п.): «Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих» (рассказ «Хамелеон»). Данное описание передано на арабский следующим образом: «ولا إلا جائعة كالأشداق كابية بـ نظرة العالم على الم فتوحة والحانات الم تاجر أبواب» (Открытые двери магазинов и баров смотрят на мир унылым взглядом, как голодные пасти. Вокруг них нет даже попрошайек). В переводе слово «лавки» заменено современной лексической единицей «магазины», а слово «кабак» передано как «бар», что меняет тональность оригинала. Кроме того, переводчиком совершена ошибка при переводе лексической единицы «нищие», которая передана как «попрошайки», но нищие и попрошайки – это понятия, имеющие разную коннотацию.

3. Реалии, передающие названия **профессий** или **рода занятий/деятельности** (золотых дел мастер, горничная, кухарка и т.п.): «В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина». Анализ перевода данного фрагмента – «على الرجل هذا في أت شوم ي لوف فرعتي» –

«خريو وك ين ال صاڠ غ» (в этом человеке Очумелов узнал ювелира Хрюкина) показывает, что название рода занятий «золотых дел мастер» передано на арабский как ювелир. В результате такой трансформации теряется национально-культурная специфика оригинала текста. Из перевода убрана лексическая единица «мастер», которая в оригинале акцентирует внимание на умениях человека, а не просто указывает на сферу его занятий.

В рассказах А.П. Чехова часто встречается слово «жандарм» (служащий внутренних войск или национальной гвардии), которая в арабском варианте заменяется стилистически нейтральной лексической единицей «полиция»: «*У меня у самого брат в жандармах*» (рассказ «Хамелеон»). В арабском варианте предложение звучит как «*الدرک في أخ لي وأذا*» (У меня есть брат в полиции). Высказывание, которое в оригинале несло оттенок если не угрозы, то некой гордости за то, что есть родственник в полиции, в переводе превращается в простую констатацию факта.

Ту же ситуацию наблюдаем с переводом лексической единицы «денщик» (солдат, состоящий на службе у офицера для личных услуг), которая передана словом «солдат»: «... *он держал повара Афанасия, старика лет шестидесяти, нетрезвого и полоумного, который когда-то служил в денщиках и умел кое-как стряпать*» (рассказ «Человек в футляре»). Арабский вариант перевода «*حوالي في عجز، أف ناسی ی دعی طاه ل ديه كان و أن كان ك ی فما ی سد تطیع و، ما وقت في مرا سلة ج ندي كان، مذ بول و سد یر، ال سد تین ال طعام ی عد*» (У него был повар, его зовут Афанасий, он старик, приблизительно лет шестидесяти, пьяный и не в себе, который когда-то был солдатом и умеет готовить) не может быть признан адекватным. Во-первых, трансформация русской фразы «служить в денщиках» в «быть солдатом» лишает перевод национальной специфики. Во-вторых, лексическая единица «нетрезвый» передана как «пьяный» (т.е. указана более сильная степень опьянения), и, наконец, изменена характеристика лица: «полоумный» – «не в себе».

Перевод ряда названий занимаемых должностей требует от переводчика знания не только русского языка и культуры, но и специфики организации общественной жизни эпохи, в которую были созданы рассказы А.П. Чехова. В рассказе «Радость» упоминается должность «коллежского регистратора»: «*Раньше только вы одни знали, что на этом свете существует коллежский регистратор Дмитрий Кулдаров, а теперь вся Россия знает об этом!*». Переводчик, не будучи знаком со спецификой званий и должностей, существующих в России той эпохи, переводит это предложение следующим образом: «*أنه ی عرف غ یرکم أحد ی کن لم ل قب من*»

هكّل ف روسيا الان أما، ديميري كولدروف الاء تباري المسجل الذذيا في يوجد ذلك تعرف». (Раньше никто не знал кроме вас, что на этом свете есть регистратор/клерк Дмитрий Кулдаров, а теперь это знает вся Россия). Таким образом, должность «коллежский регистратор» переведена на арабский неверно – как «регистратор», что может быть понято читателем как «клерк, регистрирующий документы».

Анализ материал показал, что, осуществляя перевод, переводчик не пытается объяснить арабскому читателю специфику содержания текста, а подбирает эквивалент, который приблизительно соответствует оригиналу. Таким образом, при переводе он не сохраняет национально-культурную специфику оригинала, а использует приемы уподобляющего перевода, подбирая близкие по смыслу эквиваленты. Передавая сюжетную линию произведения, он убирает из текста специфические компоненты русской культуры, обезличивая перевод в этнокультурном плане.

4. Реалии, передающие наименования **званий и титулов** (ваше благородие, предводитель уездного дворянства и т.п.). Приведем пример. «*Из коляски выскочил уездный предводитель дворянства Федор Андреич Отцов. В передней встретил его сонный лакей*» (рассказ «Дочь Альбиона»). Перевод на арабский язык следующий: «*ذ بلاء رؤيس العربيه منوقه فز. أت سوف أذري تش في يودور ال ناديه*». (Выскочил из кареты президент (глава) уездного дворянства Федор Андреич Ацов. У входа его встретил сонный слуга). Почетное в царской России звание «предводитель уездного дворянства» переведено на арабский как «президент (глава) уездного дворянства». Почетный титул переводчик упрощает до «президент (глава)», стремясь сделать содержание рассказа понятным арабоязычному читателю, но одновременно лишая текст национальной специфики.

Зафиксированы и случаи, когда знакомые как представителям русской, так и арабской лингвокультуры понятия, в тексте перевода просто опускаются. В рассказе «Смерть чиновника» А.П. Чехов пишет: «*Опросив несколько просителей, генерал поднял глаза на Червякова*». Лексическая единица «генерал» (воинское звание высокого ранга) есть во многих языках и может быть считаться интернациональной лексикой. Однако перевод данного примера на арабский дан следующий: «*أشخاص عدة سأل أنوبعد. تشرف ياكوف إلى عيذيه رفع*». (После опроса нескольких человек, он поднял глаза на Червякова), т.е. звание лица в переводе не упоминается вообще.

Резюмируя изложенное, отметим, что при переводе реалий общественной жизни и государственно-административного устройства переводчиком в 97 % случаев используется стратегия доместикации – переводчик пытается найти подходящие по смыслу, близкие (но не идентичные) эквиваленты для передачи национально-специфических лексических единиц. И только в 3 % всех проанализированных случаев переводчик использует стратегию форенизации. В рамках стратегии доместикации применены гипо-гиперонимический перевод (41 % случаев), перевод-уподобление (34 %), перифрастический перевод (11 %), описательный перевод (13 %) и переводческий комментарий (1 %). В рамках стратегии форенизации переводчик прибегает к приемам модуляции (57 %) или функциональной замены (43 %).

В целом, при переводе реалий данного класса теряется национально-культурная специфика и меняется тональность текста при сохранении сюжетной линии оригинала.

Наиболее многочисленным оказался класс бытовых реалий, включающий реалии, обозначающие жилище и его части, предметы одежды, наименования продуктов питания, национально-специфических единиц меры и денежных знаков.

1) *Реалии, обозначающие жилище и его части* (людская кухня, сени и т.п.). «Днем он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, укутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку» (рассказ «Ванька»). Не имея адекватного соответствия, переводчик заменяет лексическую единицу «людская» более современной – مط بخ في يه نام نهارة ناك: «(кухня для рабочих/работников): «بمعطف متدنثراً السادة ببيت حول في يطوف اليل في أما, الطاهيات مع يه ثرثر أو الخدم ال صديفة على ويدق الحمل جلد من في ضد فاض». (Днем он спал на кухне для работников или сплетничал с поварами, а по ночам бродил по господскому дому, закутавшись в просторную баранью шубу, и стучал палкой). Кроме указанной смысловой подмены переводчик заменяет реалию «тулуп» переводным эквивалентом «баранья шуба», более понятным арабскому читателю, а лексическая единица «кухарки» передана как гендерно-нейтральная «повара».

В рассказе «Человек в футляре», описывая дом учителя греческого языка Беликова, автор детализирует особенности его жилья: «Спальня у Беликова была маленькая, точно ящик, кровать была с пологом». Цель автора текста – показать затворнический образ жизни протагониста, его страх перед внешним миром, привычку довольствоваться малым. Приведем арабский перевод: «وكان كالصندوق, صغيرة بيله يكوف نوم غرفة تكاذت».

«ناموسية تحت سريره» (Спальня Беликова была маленькая, как коробочка, а кровать его стояла под москитной сеткой). Если с эквивалентом «коробочка» (вместо «ящик») можно до определенной степени согласиться, то подмена слова «полог (кровати)» словосочетанием «москитная сетка» не только меняет восприятие жилища, но и снижает оценку его переводчиком, следовательно, как можно предположить, и читателем.

2) *Реалии, обозначающие предметы одежды* («тулуп», «калоши», «пальто на вате» и т.п.): «Он был замечателен тем, что всегда, даже в очень хорошую погоду, выходил в калошах и с зонтиком и непременно в теплом пальто на вате». Предметы одежды «калоши», «пальто на вате» не известны членам арабского социума и вряд ли будут понятны арабоязычному читателю. Переводчик передает данный фрагмент текста следующим образом: «إلا ي خرج لا الجيد الجو في ودي داء ما كان به أنه يم تازكان (طنالق من ب بطانة ث قيل معطف في ودي تما وب شمسية الحذاء فوق ب الخف)». (Его отличало то, что он всегда, и даже в хорошую погоду, выходил на улицу только в тапочках поверх туфель, с зонтиком и обязательно в тяжелом/толстом пальто на хлопчатобумажной подкладке). Лексическая единица «калоши» передана весьма далекой (но более понятной арабскому читателю) лексической единицей «тапочки (поверх туфель)», которая меняет образ героя, а вместе с тем и коммуникативный замысел автора о его внешности и характере. То же справедливо и в отношении описательного перевода «тяжелое/толстое пальто на хлопчатобумажной подкладке» вместо «теплое пальто на вате».

Не вполне соответствует русскому оригиналу и перевод фрагмента из рассказа «Радость»: «*Митя надел фуражку с кокардой и, торжествуя, радостный, выбежал на улицу*». «الشریط دات قال عمر مية تياوارت دی». «فرحاً متنشياً ال شارع إلی وانط لق، الم مع قود». (Митя надел шляпу с повязанной поверх нее лентой и в восторге от радости вышел на улицу). «Фуражка с кокардой» и «шляпа с повязанной поверх нее лентой» также, на наш взгляд, не могут быть признаны эквивалентными, а перевод предложения не может быть оценен как адекватный.

Сложности возникают у переводчика и при переводе таких предметов одежды, как мундир, вицмундир, шинель, жилетка.

3) *Реалии, обозначающие названия продуктов питания* (блюда, напитки и т.п.) (кофейная гуща и т.п.). В настоящее время под влиянием процессов глобализации практически не осталось блюд, которые были бы исключительно принадлежностью какой-либо нации и не были знакомы представителям иной культуры. Поэтому реалии, называющие продукты

питания, блюда русской кухни и т.п., часто переданы на арабский язык правильно. Однако в данном случае возникают нюансы иного плана. Переводя такие реалии, переводчик, вероятно, желая сделать перевод более ярким, часто добавляет детали, которых нет в оригинале текста: «*Пахло от него ветчиной и кофейной гущей*». Арабский перевод: «رائحة منهوف احت رائحة يصة القهوة الخنزير لحم». (От него пахло ветчиной из свинины и дешевым кофе). Как видим, в оригинале нет указания на ветчину (из свинины); кроме того, выражение «кофейная гуща» интерпретировано переводчиком как «дешевый кофе», хотя в оригинале нет оценочного определения кофе как не очень качественного (дешевого).

4) *Реалии, обозначающие национально-специфические единицы меры* («верста» – فيرست и т.п.). В большинстве случаев при переводе таких реалий переводчик использует прием «осовременивания» или поиск аналога, пытаясь сделать текст понятным читателю. Если русскоязычный читатель может предположить (или знает), что означали используемые в прошлом единицы меры грош, полушка, сажень, верста и т.п., то читатель, принадлежащий к иной культуре, не знаком с ними. Например: «*Была уже полночь. Направо видно было всё село, длинная улица тянулась далеко, верст на пять*». Приведем перевод этих предложений на арабский язык: «شارعها وام تدك لها القرية بدت اليمين وإلى الليل منذ تصف الوقت كان يك يلوم يترات خمسة حوالي بعيداً الطويل». (Была полночь. Справа показалась вся деревня, длинная улица, которая простиралась далеко, примерно на пять километров). Переводчик заменяет малопонятную лексическую единицу «верста» более знакомой «километр» – фактуальная информация передана верно (верста – 1,06 км.), но потеряна национально-культурная и историческая специфика оригинала текста.

5) *Реалии, обозначающие названия денежных знаков*. Так же, как и при переводе названий продуктов питания, при передаче наименований денежных знаков не возникает особых сложностей, а потому перевод может быть признан до определенной степени адекватным. Приведем пример: «*И видал которые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое*» (рассказ «Ванька»). Арабский перевод: «ويمكن، السادة بندق تشد به التي البنادق أنواع مخ تلف فيها دكاكين ورأيت... روبل مائة تساوي منها الواحدة». (Я видел магазины, в которых были различные виды винтовок, похожих на барские, и каждая из них могла стоить сто рублей). Если не принимать во внимание нивелирование переводчиком таких просторечных лексических единиц, как «на манер» и «каждое»,

то, в принципе, оригинал передан верно и арабоязычный читатель получит всю информацию, вложенную автором в оригинал.

При переводе бытовых реалий переводчик чаще прибегает к стратегии доместикации (90 % случаев). Такие реалии специфичны и переводчику приходится находить адекватный вариант их передачи, поскольку иначе будут не понятны важные детали, потеря которых ведет к искажению смысла. Переводчик должен найти компромисс между необходимостью быть понятным читателем и возможностью сохранить национальную специфику текста. В рамках данной стратегии используются приемы перифрастического и описательного перевода, а также перевода-уподобления, при котором переводчик адаптирует имеющуюся в его родном языке реалию к русской национально-языковой картине мира. Так же, как и при переводе реалий, обозначающих особенности государственно-административного устройства, при переводе бытовых реалий имеет место потеря национально-культурной специфики текста. Переводчиком редко используется стратегия форенизации, чаще он прибегает к стратегии доместикации, пытаясь «подогнать» вновь создаваемый перевод под образы и смыслы родной культуры. В рамках данной стратегии используются приемы подбора аналога (61 %), уподобляющего перевода (37 %) и в незначительном числе случаев прием функциональной замены (2 %). Так же, как и при переводе реалий общественной жизни и государственно-административного устройства, при верной передаче общего смысла, переводчику не удастся сохранить национальную специфику текста и показать арабскому читателю детали русской картины мира. Более желательную стратегию форенизации переводчик использует редко, что делает перевод безликим в национально-культурном плане.

При переводе реалий, обозначенных нами как фольклорные (кикимора, сидорова коза, кузькина мать и т.п.), переводчиком также практически всегда используется стратегия доместикации. Например, *кикимора* в восточнославянской мифологии (как правило, русской и белорусской) – мифологический персонаж женского рода, обитающий в жилище и приносящий людям мелкие неприятности. Кикиморой часто называли не очень приятную как внешне, так и по характеру и поступкам женщину. В рассказе «Дочь Альбиона» встречаем фразу: «*Ничего не поймал, ни я, ни эта кикимора*». Кикиморой автор именуется англичанку-гувернантку. Переводчик, не знакомый с русской фольклорной традицией, передает эту фразу так: «*الـ بـع هـده ولا أنا لا شيء أصطاد لـم*» (Ничего не поймали, на я, ни этот призрак). И призрак, и кикимора – нереальные существа, но если призрак – это чей-либо образ, который возникает в воображении или мере-

щится, то Кикимора – реальный мифологический персонаж. Перевод не позволяет арабскому читателю верно понять созданный автором образ. Производя такую замену, переводчик лишает текст этнокультурной специфики.

Интересен предложенный переводчиком вариант передачи известного русского фразеологизма – «бить как сидорову козу»: «*А если что, то секи меня, как Сидорову козу....*» (рассказ «Ванька»). Перевод предложения с этим фразеологизмом звучит так: «كما اضربني شيء مني بـ در وادا» (А если что-то будет не то от меня, то бей меня, как собаку бьют). В данном случае имеет место подмена образа (сидорова коза :: собака) и как результат потеря национально-культурной специфики оригинала чеховского текста.

Хорошо известно и русское выражение «кузькина мать» или «показать кому-то кузькину мать», корни которого также уходят в русский фольклор. Кузькой (или Кузьмой) в народе называли домового, а «кузькиной матерью» или «матушкой» считали его жену (также фольклорного персонажа) – Кикимору. Существовало поверье, что она вредила людям и могла наслать на дом несчастья. Считалось плохой приметой увидеть Кузькину мать; часто ей пугали детей, которые плохо себя вели. Но в разговорной речи «показать кому-то кузькину мать» используется в значении угрозы. В рассказе «Хамелеон» один из персонажей восклицает: «*Я ему покажу Кузькину мать!*», т.е. будет знать, как вести себя. Но переводчик передает ее как: «الزرق الـ عـ فاريت سأريه» (Я покажу ему синих гоблинов/дьяволят). Не будучи знаком с русской мифологией, но, очевидно, поняв, что речь идет о ком-то или о чем-то, наводящем на человека ужас, переводчик выбирает современную лексическую единицу «гоблин» (существо из западноевропейского фольклора, обитающее в подземных лабиринтах). В результате стирается национальная специфика русской мифологической традиции, имеет место подмена мифологического образа.

Как показал анализ, перевод фольклорных реалий представляется сложным в силу разницы мифологических, фольклорных образов и сказочных персонажей, которые различны в разных культурах.

Практически во всех случаях переводчик пытается не донести до читателя специфику русского текста и раскрыть особенности русской культуры, а найти явление в арабской культуре, которое вызывало бы у читателя те же ассоциации, было уподоблено лексической единице, используемой в оригинале, по функции и т.п. Иными словами, речь идет не о передаче русской реалии, а о ее подмене схожими образами арабской культу-

ры. В 99 % проанализированных случаев при переводе реалий данного класса переводчик использует стратегию доместикации, прибегая либо к полной замене образа, как в примере с «кузькиной матерью» :: «синие гоблины (дьяволята)», либо к описательному переводу «каналья» :: «хитрая женщина». В любом случае перевод не сохраняет национально-культурной специфики оригинала и не дает возможности арабоязычному читателю понять особенности русской культуры.

В рамках стратегии доместикации переводчиком используются приемы перифраза (28 %), замены образа (53 %), функциональной замены (11 %). В единичных случаях используется прием генерализации (6 %). При невозможности осуществить перевод такой реалии переводчик просто опускает ее в тексте перевода (2 %).

Особую сложность представляет перевод религиозных реалий, среди которых следует выделить реалии, передающие названия религиозных институтов, субъектов религии, обозначающие религиозные действия, в целом ситуации, связанные с религией, понятия, предметы и объекты, имеющие отношение к религиозной сфере. Рассмотрим их ниже.

Приведем примеры.

Реалии, передающие названия **религиозных институтов** (храм, церковь, приход и т.п.). Практически во всех случаях они передаются на арабский язык словом «مسجد» (мечеть), более понятной арабоязычной аудитории: *«Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревянной церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней»*, «كنيسة القرية ويزر عينيه وهو يتطلع إلى نوافذ يقف الجد الآن أمام البوابة وربما», «الباد الساطعة الحمرة، ويثرثر مع الخدم وهو يدق الأرض بحدائه». (Быть может, дед стоит сейчас перед воротами, опустил глаза, глядя на ярко-красные окна деревянной мечети, и болтая со слугами, топает по земле острым башмаком). Кроме того, в данном примере переводчик, очевидно, не поняв глагольной единицы «щурить глаза», передает ее фразой «опустив глаза», что меняет образ героя, а фраза в оригинале «притопывая валенками» дана в переводе как «топать по земле острым башмаком», что также вносит коррективы во внешний образ героя.

Реалии, именующие **субъектов религии** (священник, первосвященник, духовенство и т.п.). Данные понятия не имеют коррелятов в арабском языке, в арабской культуре, поскольку иерархическая структура священнослужителей в христианстве и исламе различна. Поэтому переводчик либо выбирает вариант, соответствующий русскому по аналогии, либо прибегает к перифрастическому переводу: *«Вчера в Хапоньеве прео-*

священный служил, а я не поехал...» (рассказ «Дочь Альбиона»). В арабском варианте используется слово «священник»: «خاب وند ي فو في يد الأمس...». «ال شيطانة هذه مع...ال د فشة هذه مع هنا ج لست ب ل ,أذهب ولم قدّاسا ال بطري رك أقام». (Вчера в Хапоньеве священник служил, а я не поехал...). В тексте перевода снижена значимость службы, на которую не поехал протагонист (служба, которую проводит первосвященный считается более важной).

В следующем примере переводчик использует описательный перевод для передачи наименования субъектов религии: *«Наши дамы по субботам домашних спектаклей не устраивали, боялись, как бы он не узнал; и духовенство стеснялось при нем кушать скоромное и играть в карты»*. Лексическая единица «духовенство» обозначает всех служителей культа, не ранжируя их по иерархии. Для ислама не характерна иерархическая структура духовенства, схожая с христианством. Как правило, в мечети совершают намаз мужчины при руководстве имама. Стараясь сделать фрагмент понятным арабскому читателю, переводчик заменяет слово «духовенство» описательным оборотом «мужчины, которые работают/помогают в мечети»: «ال د فلات ي قمن لا ال س د بت أيام في س يدات ناكات»: «ال لحوم ت ناول من ي تخرجون ال كذيسة رجال وكان ي ذلك ي علم أن خشية المنزلية ال ورق ل عب أو أمامه». (Наши дамы по субботам не делали домашних вечеринок, боялись, что он может узнать; и мужчины, которые работают в церкви, они стеснялись кушать мясо перед ним или играть в карты).

При переводе таких высказываний, как «ради Бога», «Христом Богом молить» и т.п., как правило, используется аналоговый эквивалент «ради Аллаха»: *«Приезжай, милый дедушка, – продолжал Ванька, – Христом богом тебя молю, возьми меня отседа»* – «ال عزيز جدي اضر يا». «هنا من ت أخذني أن الرب مسيح ال اس تدل فك». (Приезжай, дорогой дедушка, ради Аллаха. Забери меня отсюда).

Лексическую единицу «Аллах» переводчик выбирает и для перевода часто встречаемой фразы «Христа ради»: *«Ванька покривил рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул. «Я буду тебе табак тереть, – продолжал он, – богу молиться <....> А ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа ради попрошусь к приказчику...»* (рассказ «Ванька»). «ي ك تب ومضى. وأجهش ال سوداء ب ق بضته ع يذيه ومسح ش ف تيه ف ان كا وق لص»: «ف سأرجو عمل لي ليس أنه ت ضن كنت وادا . لله أصلي و ,ال ت بغي لك سأطحن». «ال مسيح ب حق ال خولي». (Ванька скривил рот, потер черным кулаком глаза и всхлипнул и начал писать: «я буду тебе табак растирать, буду молиться Аллаху <....> А если ты думаешь, что у меня нет работы, то ради Аллаха я буду умолять приказчика, чтобы он взял меня...).

Далее остановимся на реалиях, передающих **религиозные действия** (молиться, кланяться, кланяться в ножки, священнодействовать, за упокой души молить и т.п.).

В рассказе «Ванька» есть выражение «кланяться в ножки»: *«Милый дедушка, сделай божеечку милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»*. Поклоны в ноги (земные поклоны) являются в христианстве выражением высшей степени почитания и совершаются только в исключительных случаях. Перевод данного фрагмента текста на арабский язык: *«معروف يا إعمل، ال عزيز ز جدي يا أب دا أدمل أعدل م. ال قرية في ال بيت إلى هنا من وخذني الله وسوف إليك أتوسل...»*. (Дорогой дедушка, сделай милость Аллаху, заведи меня отсюда домой в село, я не могу этого больше выносить..., я тебя умоляю, я буду всегда молить Аллаха, возьми меня отсюда или я умру...). Переводчик адаптирует текст под миропонимание носителя арабского языка, исповедующего ислам, заменяя выражение «кланяться в ноги» фразой «я буду молить Аллаха».

Особого внимания заслуживает перевод русскоязычной фразы «за упокой души молить»: *«А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить, и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно как за мамку Пелагею»* (рассказ «Ванька»). Указанное выражение передает особенности русской христианской духовной традиции – читать молитвы по ушедшему в иной мир человеку, чтобы ему там было хорошо. Молитвы, подобно христианской, в исламе нет. Но есть традиция читать определенные суры и аяты Корана, что и находит отражение в тексте перевода следующим образом: *«Когда я вырасту, я буду тебя кормить, не разрешу никому тебя обижать, а когда ты умрешь, я буду читать за тебя аяты Корана, как я читаю за свою маму Пелагею»*.

Реалии, передающие особые, связанные с религией **ситуации** (пост, разговление, кушать скоромную пищу и т.п.): *«Постное есть вредно, а скоромное нельзя, так как, пожалуй, скажут, что Беликов не исполняет постов, и он ел судака на коровьем масле, – пища не постная, но и нельзя сказать, чтобы скоромная»* (рассказ «Человек в футляре»). Используемые в данном фрагменте текста понятия «пост», «скоромная пища», «постная пища», «исполнять пост» требуют дополнительного комментария для арабоязычного читателя. Переводчик сохраняет лексическую единицу «пост», так как практика постов есть в исламе, но производит при этом ряд других замен: *«أن قال لي قد اد ممنوعة وال لحوم، مضر ال صيام أكل»*

من لا يس طعمام ف هذا، ال بقر سمن في مقل يا ال سمك ي أكل ف كان، ي صوم لا ب يلا يكوف
ال لحوم من انه ت قول أن ت سد تط يع لا ولا كنك، ال صوم ماكولات
(В пост есть вредно, мясо нельзя, или они скажут, что Беликов не поститься, поэтому он ел жаренную рыбу на коровьем масле – эта пища не из поста, но нельзя сказать, что это мясо). Исключение из текста перевода малопонятных арабскому читателю слов компенсируется частым использованием знакомой лексической единицы «пост».

Реалии, обозначающие **предметы /объекты**, связанные с религиозной сферой (икона, образ, крест и т.п.): *«Мамаша взглянула на образ и перекрестилась»* (рассказ «Радость»). В арабском варианте пример звучит так: *Мама посмотрела на икону и рукой нарисовала в воздухе крест*. Лексическая единица «образ» заменяется более понятной арабскому читателю лексической единицей «икона», а для передачи характерного для православия действия «перекреститься» переводчик прибегает к приему описания – «нарисовать в воздухе крест».

Далее охарактеризуем реалии, обозначающие **понятия, связанные с религиозной сферой** (например, дух, душа, вера и т.п.). Известно, что концепты «судьба», «душа», «тоска» многими исследователями определены как этнокультурные константы, описывающие характер и особенности миропонимания русского человека. В рассказе «Человек в футляре» находим фразеологизм «облегчить душу»: *«Я к вам пришел, чтоб облегчить душу. Мне очень, очень тяжело»* («لقد جأت لأخفف عن قلبي. إنني مرهق نفسياً جداً»), который передан переводчиком как «على قلبي لأخفف» (т.е. чтобы облегчить свое сердце). Разница культур и религий не позволяет донести до арабского читателя все нюансы русскоязычного текста, который намного глубже текста перевода. Кроме того, переводчик использует прием расширения, добавляя дополнительный компонент во вторую часть примера – «Мне очень тяжело *психологически*. Я пришел к вам, чтобы облегчить свое сердце». Повтор «очень, очень тяжело» заменяется в тексте перевода на «очень тяжело психологически».

Анализ специфики перевода религиозных реалий показал, что при адаптации русскоязычного текста к системе религиозных норм арабской культуры переводчик нивелирует его культурно-национальное своеобразие. Часто дается не перевод, а интерпретация религиозных феноменов так, как их увидели бы носители арабского языка через призму своей культуры. Переводчик прибегает к лингвокультурной адаптации, используя стратегию доместикации (т.е. уподобление реалий чужой культуры

мировидению арабской аудитории), пренебрегая национально-культурным своеобразием оригинала текста.

Передача религиозных реалий выступает наиболее сложной задачей в силу различия религиозных систем и правил вероисповедания. Переводчик стоит перед выбором дословной передачи текста и опасности быть непонятым читателем, либо использования системы мыслеобразов арабской культуры и при этом нивелирования национально-культурного своеобразия оригинального текста. При переводе религиозных реалий чаще используется стратегия доместикации (95 % случаев), адаптирующая оригинальный текст под религиозную систему норм и понятий ислама. Переводчик редко использует стратегию форенизации (3 %), которая позволила бы носителям арабского языка узнать детали русской культуры. Лишь в незначительных случаях переводчик использует стратегию «золотой середины» (2 %), сохраняя специфику религиозных реалий.

Сложность при переводе вызывает и употребляемая в рассказах А.П. Чехова лексика, которая в настоящее время является устаревшей. Наибольшее количество устаревшей лексики зафиксировано среди бытовых реалий. Устаревшие единицы практически всегда заменяются современными аналогами: «подмастерья» – «الم تدرّبين» (ученики, практиканты), «барыня» – «سَيِّدَة» (леди) и т.п. Передавая смысл подобных слов, переводчик нивелирует историческую и национальную специфику русской действительности. То же справедливо и в отношении перевода просторечных лексических единиц, используемых автором при передаче речи персонажа, например: «ежели» – «إِذَا», (если). Сказанное относится также к таким единицам, как «харя», «трескаться», которые при переводе заменяются литературными аналогами *лицо*, *кушать* соответственно.

В **третьей главе** диссертации *«Адекватность переводов рассказов А.П. Чехова на арабский язык»* рассмотрены грамматические трансформации, имеющие место при переводе рассказов русского писателя, а также проведена оценка существующих вариантов переводов на арабский язык.

Как показал анализ, в процессе перевода трансформации подвергается не только лексический план оригинала, но и его грамматическая структура. Грамматические трансформации не затрагивают содержательной стороны произведения, но изменяют ракурс рассмотрения, тональность и восприятие текста адресатом. Среди наиболее частых грамматических трансформаций установлены: а) подмена настоящего времени прошедшим, б) подмена будущего времени прошедшим, в) подмена будущего времени настоящим, г) передача деепричастного оборота в составе про-

стого предложения придаточным предложением времени, д) перевод деепричастного оборота причастным, е) подмена оборота с существительным глагольной конструкцией. Таким образом, сложности при переводе русского текста связаны как с передачей национально-культурных реалий, так и с адаптацией всей структуры текста.

Приведем далее примеры.

Подмена настоящего времени прошедшим. В русском языке настоящее нередко используется для описания прошедших событий: «Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа». При переводе переводчиком используется прошедшее время: «وتطل من المتاجر سحن ناعسة, وسرعان ما يتجمع الناس بالقرب من مخزن الحطب وكأن الأرض انشقت عنهم». (Сонный город смотрел на магазины, а возле склада, где хранились дрова, быстро собралось много людей, как будто для них раскололась земля). Но если в оригинале происходящее рассматривается как процесс, то в переводе имеет место констатация факта.

Передача деепричастного оборота придаточным времени (причины, образа действия и т.п.). Конструкции «играя», «отвечая», «волоча ноги» и т.п. трансформируются в придаточные предложения времени, причины, образа действия и т.п.: «Войдя по колена в воду и вытянувшись во весь свой громадный рост, он мигнул глазом и сказал: – Это, брат, ей не Англия!». В арабском варианте переводчик использует придаточное времени: «وعندما غاص في الماء إلى ركبتيه، شد قامته الهائلة وغمز بعينه وقال: دعها تعلم يا أخي أننا لسنا في إنجلترا». (Когда он вошел по колени в воду и вытянулся во весь свой огромный рост, он подмигнул глазом и сказал: «Дай ей знать, брат, что мы не в Англии»).

В соответствии с задачами работы мы провели анализ адекватности переводов рассказов А.П. Чехова на арабский язык, который показал, что существующие переводы не всегда могут быть признаны адекватными. В работе мы опирались на переводы, выполненные А.Б. Юсуфом и признанные классическими. Для верификации полученных результатов и определения степени адекватности/недостаточной адекватности переводов мы провели сравнение переводов рассказа «Смерть чиновника», выполненных А.Б. Юсуфом и Х. Баядосом. Перевод, выполненный А.Б. Юсуфом, представляется более полным в передаче некоторых деталей, хотя абсолютно точным ни один из приведенных переводов считать нельзя. Рассмотрим пример: «В один прекрасный вечер не менее прекрасный экзекутор, Иван Дмитрич Червяков, сидел во втором ряду кресел и глядел в бинокль на «Корневильские колокола». Перевод А.Б. Юсуфа: «ذات مساء رائع كان ايفان ديمتريفيتش تشرف فيا كوف، الموظف الذي لا يقل روعة، جالسا في الصف الثاني من مقاعد

«الصالة ، يتطلع في المنظار الى أجراس كورنيفيل (В один вечер, Иван Дмитриевич Червяков, такой же прекрасный служащий, сидел во втором ряду зала, и смотрел через бинокль на «Корневильские колокола»). Перевод Х. Баядоса: «في أمسية لطيفة, كان إيفان ديمتريتش كرييكوف, وهو موظف يقوم بعدة مهام لا يقلّ» (أجراس نورماندى) لطفاً عن تلك الأمسية اللطيفة, جالساً في الصفّ الثاني من المقاعد الأمامية يشاهد (أجراس نورماندى) «بواسطة منظار الأوبرا (В один чудесный вечер, Иван Дмитрич Крипков, не менее чудесный официальный служащий, выполняющий много задач, сидел во втором ряду кресел, и смотрел «Колокола Нормандии» через театральный бинокль). Анализируемые варианты близки, хотя Х. Баядос не уловил значения говорящей фамилии героя, изменив ее на Крипков. Также в его переводе находим дополнение – «служащий, выполняющий много задач», чего нет в оригинале; переводчик использует прием описания, стремясь сделать более понятным наименование должности – «экзекутор», не знакомой арабской аудитории. Х. Баядос изменяет и название пьесы, передавая ее как «Колокола Нормандии» (местечко Корневиль расположено на северо-западе Франции – в Нормандии).

Если в вышеприведенном примере содержится дополнение, отсутствующее в оригинале, то в следующем примере один из переводчиков убирает лексическую единицу, которая кажется ему не столь значимой: «Он глядел и чувствовал себя на верху блаженства»: «وراح يتطلع وهو يشعر» (Он смотрел вокруг, чувствуя себя на пике удовольствия) (А.Б. Юсуф). Х. Баядос же просто опускает сложную для перевода фразу, урезая текст оригинала: «وقد اعتراه شعور بأنه يعتلي قمة» (Он чувствовал так, как будто был на вершине). В результате перевод представляется не законченным в смысловом плане.

В целом, проведенный анализ позволил сделать вывод об относительной адекватности существующих переводов рассказов русского классика А.П. Чехова на арабский язык.

В **заключении** подводятся итоги выполненной работы, излагаются результаты и намечаются ее перспективы, которые видятся в разработке справочника рекомендаций, содержащего комментарии к наиболее сложным для перевода русским реалиям, а также возможные варианты перевода некоторых национально-окрашенных лексических и фразеологических единиц.

Основные положения диссертации отражены в десяти публикациях автора общим объемом 4,11 п.л.

**Основные положения диссертационного исследования отражены
в следующих публикациях автора:**

*Статьи в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК
при Министерстве науки и высшего образования РФ:*

1. Йегни, Х. Приемы достижения адекватности передачи оригинала при переводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык / Х. Йегни, Е.В. Бобырева // Modern Humanities Success. 2023. №12. С. 11–18. (0,6 п.л., авт. – 0,4 п.л.).
2. Йегни, Х. Образ автора в текстах переводов рассказов А.П. Чехова на арабский язык / Х. Йегни, Е.В. Бобырева // Modern Humanities Success. 2024. № 12. С. 45–51. (0,5 п.л., авт. – 0,3 п.л.).
3. Йегни, Х. Значимые аспекты передачи религиозных реалий (на материале арабских переводов рассказов А.П. Чехова) // Вестник филологических наук. 2025. № 1. С. 97–102. (0,5 п.л.).
4. Йегни, Х. Передача национально-культурной специфики бытовых реалий в переводах рассказов А.П. Чехова на арабский язык // Modern Humanities Success. 2025. № 8. С. 125–131. (0,6 п.л.).

Статьи в изданиях базы РИНЦ:

5. Йегни, Х. Передача национально-культурной специфики при переводе рассказов А.П. Чехова «Смерть чиновника» и «Толстый и тонкий» на арабский язык / Е.В. Бобырева, Х. Йегни // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. № 2. 2023. С. 48–54. (0,45 п.л., авт. – 0,31 п.л.).
6. Йегни, Х. Приемы лингвокультурной адаптации при переводе произведений А.П. Чехова на арабский язык / Х. Йегни // International Journal of Advanced Studies in Language and Communication. 2023. № 2. С. 32–38 (0,45 п.л.).
7. Йегни, Х. Современные переводы произведений А.П. Чехова на арабский язык: разрыв временной парадигмы / Х. Йегни // Научный потенциал. 2024. № 4(47). С. 114–121. (0,5 п.л.).
8. Йегни, Х. Способы передачи устаревшей лексики при переводе рассказов А.П. Чехова на арабский язык / Х. Йегни // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. № 1. 2025. С. 36–44. (0,5 п.л.).

9. Йегни, Х. Фольклорные реалии как зеркало души народа: специфика интерпретации и перевода / Х. Йегни, Е.В. Бобырева // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. № 2. 2025. С. 14–20 (0,45 п.л., авт. – 0,3 п.л.).

Статьи в сборниках научных трудов и материалах конференций:

10. Йегни Х. Ценности арабской лингвокультуры как регулятор межличностных отношений / Х. Йегни // Аксиологические аспекты современных филологических исследований: материалы Международной научной конференции. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. ун-та. 2023. С. 77–80 (0,25 п.л.).

ЙЕГНИ Ханан

ПРИЕМЫ ПЕРЕДАЧИ РУССКИХ РЕАЛИЙ
В АРАБСКИХ ПЕРЕВОДАХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ А.П. ЧЕХОВА

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано к печати 10.10.25. Формат 60х84/16. Бум. офс.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 1,4. Уч.-изд. л. 1,5. Тираж 100 экз. Заказ .

Научное издательство ВГСПУ «Перемена»
Отпечатано в типографии ИП Миллер А.Г.
400005, Волгоград, пр-кт им. В. И. Ленина, 27